

Таврический сад

И. А. Пономарев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы с детства помним фразу из сказки Корнея Ивановича Чуковского «Мойдодыр»: «Я к Таврическому саду, не репрыгнул чрез ограду...». Для многих имя сада такое же сказочное, как сама сказка, но для меня Таврический сад — это реальность: все детство и юность я прожил рядом с ним — на Таврической улице.

XVIII век — век садов и парков. Весь современный центр города утопал в зелени. Император Петр I и императрицы (а их было достаточно в тот галантный век) любили окружать себя садами. В те годы, осваивая новую территорию, вырубали леса, осушали болота и разводили сады. Вот беглое перечисление их: три Летних — два на территории нынешнего Летнего сада и один — на месте сада Михайловского дворца. Через Фонтанку до нынешней улицы Восстания простирался большой Итальянский сад; иногда его называли 4-м Летним садом. Нынешнее Марсово поле, между двумя каналами (Лебяжьим и Красным), представляло собой в то время зеленый остров. Урбанизация все больше засасывает город в «каменные джунгли». Все меньше зелени окружает нас, поэтому приятно и полезно освежить в памяти те «благословенные времена».

Одним из зеленых оазисов, сохранившихся с тех пор, является Таврический сад. Конечно, он уже не тот, что был в XVIII веке, но от нас зависят его краса и само существование. История сада насчитывает более 200 лет. Постараемся восстановить все этапы его жизни, о которой мы порой очень мало знаем.

ТЕРРИТОРИЯ, НА КОТОРОЙ БЫЛ СОЗДАН САД

Таврический дворец и сад были созданы в 80-е годы XVIII века, однако еще задолго до того времени эти земли не пустовали. На приневской территории до основания Петербурга насчитывалось несколько десятков деревень. На месте Таврического сада были деревни Сабирино и Осиново.

Следующее упоминание этих мест связано с историей создания Невского проспекта. По трассе нынешнего Лиговского проспекта шла старинная Новгородская дорога, которая соединяла русские поселения в районе Невы с Новгородом и далее — с Москвой. У будущего Таврического сада дорога делилась на три тропы: восточную — к Спасскому посаду* (он стоял на месте Смольного); среднюю — в районе современного Литейного моста, и западную — к нынешнему Инженерному замку. По этой дороге

* Чаще упоминается как село Спаское. — Ред.

Вид на Таврический дворец из сада. Фото автора

Хочу поблагодарить Р. Э. Павлову за огромную помощь при создании этой статьи, за ее ценные советы.

«Таврический сад»; сразу же ассоциация — Таврический дворец. Долгое время они были единым целым, но затем зажили каждый своей собственной жизнью. Во многих обзорных краеведческих книгах (путеводителях, спутниках туриста) рассказывается большей частью о Таврическом дворце, саду же отведена роль Золушки — две-три строчки, а то и полное молчание.

Этой своей статьей о Таврическом саде я хочу отдать дань памяти моему далекому и невозвратному детству.

Портрет Стефана Яворского. С гравюры И. Зубова. 1719 г.

первоначально подвозили материалы для строительства Адмиралтейства, но дальность и извилистость ее заставили искать иной путь. Им стала вновь прорубленная напрямую просека — будущий Невский проспект.

В первое десятилетие жизни юного города участки на левом берегу Невы (Московская сторона, позднее Литейная часть) были отданы членам царской семьи. Там были выстроены дома Алексея Петровича, сына Петра I, и царских сестер-царевен Натальи Алексеевны и Екатерины Алексеевны. Во дворце Натальи Алексеевны, расположенном на нынешней Шпалерной улице, был создан русский театр, первый в Санкт-Петербурге и в России.

В 30-е годы XVIII века эти дома стали собственностью государственной казны.

Участок Екатерины Алексеевны был «отдан в артиллерию» под оружейный двор, а позднее его передали Конной гвардии. Напротив этого участка, на «1-й от Невы реки линии» (так называлась в 1710–1740-е годы нынешняя Шпалерная улица), на месте Таврического дворца было Новгородское архиепископское подворье, заведенное на случай приездов в невскую сто-

лицу митрополита Стефана (Яворского). С именем этого церковного деятеля связаны преобразования Петра в церковном управлении. Осенью 1700 года умер патриарх Адриан, но нового патриарха не избрали. По решению Петра I был назначен лишь «местоблюститель» патриаршего престола — митрополит Стефан Яворский.

Новое упоминание этих краев связано с именем преосвященного Рафаила — епископа Псковского, который также жил на архиерейском подворье и, когда «не мог переехать через Неву, и служил у себя на подворье утрению, а обедню в Александровском монастыре»¹.

В те же времена по современной Потемкинской улице протекала речка Саморойка. Соединив ее с Лиговским каналом к 1725 году, осушили ближайшее болото. Как видно на плане 1738 года, первоначально она впадала в небольшой естественный водоем, соединенный с Невой. Возможно, таким образом в бассейне поддерживался постоянный уровень воды. Позднее реку стали использовать для подпитки прудов Таврического сада. На берегу Саморойки стоял дом князя Юрия Трубецкого, под руководством которого строился один из бастионов Петропавловской крепости. Еще в 1890-е годы она пересекала Кирочную и Виленский переулок, но в начале XX века была заключена в трубу. Поверх ее русла сейчас проходит Фонтанная улица.

За подворьем архиерейского находилась лаборатория для «делания фейерверков». Вот что писали об этой лаборатории классики нашего краеведения.

А. И. Богданов.

«Глава VIII. Лаборатории.

1. Лаборатория при артиллерии, в которой делаются фейерверки и прочие артиллерийские снаряды отправляются, построена на Московской стороне, недалеко от Арсенала, 1734-го году.

До построения сей Лаборатории, была в прошлые годы Лаборатория в Кронверке»².

И. Г. Георги.

§ 180. «Близ слободы (Конной гвардии) на открытом поле стояла построенная в 1734 году деревянная Артиллерийская лаборатория, которая в 1787 году переведена на Выборгскую сторону»³.

Говоря о границах земель, отведенных Конной гвардии, историк П. Н. Петров писал, что они «сходи-

лись на северо-востоке с Песками, а на запад с артиллерийскими дворами, где была в первое время устроена лаборатория (на месте теперешнего Таврического сада)»⁴.

Далее Придворной конторе понадобилось место «для поклажи дворцовых дров». Кроме берега Фонтанки они затребовали отвести место «за Литейным двором, вверх по Неве реке от Оружейного двора до двора же Шукинского (т.е. дома бывшего обер-секретаря при Петре I Анисима Яковлевича Шукина, купленного в казну). ...Это уже приходилось на месте ковша и Таврического дворца и частью сада»⁵. Были ли реализованы планы Придворной конторы, неизвестно.

«Сентября же 11-го (1732 г.) Императрица ездила смотреть артиллерийское ученье — на месте теперешнего Таврического сада, где устроен был учебный полигон»⁶.

В 1753 году исполнилось 50 лет новой столице России. Юбилейный план города «почти совсем не показывает того, что было на самом деле, а говорит лишь о том, что предполагалось тогда сделать»⁷. Среди этих предположений — проект застройки слобод Конной гвардии (изображенных на плане), который не был реализован. Выполнению проекта помешали «недостаточная обстрелка несостоятельных солдат, неоднократные пожары и выделение участка под сад Таврического дворца, вместо двух, если не трех улиц»⁸.

В «Истории Санкт-Петербурга» П. Н. Петрова говорится, что в 1750-е годы «дворцовый скотный двор застроен в это время на месте существующих Таврического дворца и сада, в Воскресенской набережной улице»⁹.

Итак, мы рассмотрели многие упоминания об интересующей нас территории и близко подошли ко времени создания дворца и сада.

САД КНЯЖЕСКИЙ И ИМПЕРАТОРСКИЙ (1780–1860-е ГОДЫ)

Отмечая заслуги Григория Александровича Потемкина в освоении причерноморских земель, в середине 1770-х годов Екатерина II подарила ему участок на Воскресенской (все той же Шпалерной) улице. Первоначально Потемкиным был построен небольшой домик, но позднее он решил соорудить там дворец.

Прежде чем говорить о дворце на Воскресенской улице, обратимся

Г. А. Потемкин. Гравюра с портрета работы Дж. Уокера. 1780-е гг.

вновь к Невскому проспекту. С ним связан один из вариантов создания дворца, который не сразу нашел свое нынешнее место. Дворец с садом должны были занять всю четную сторону Невского — от Литейного проспекта до Лиговского канала (в восточной части Итальянского сада), а вглубь — до Малой Итальянской (ул. Жуковского). План дворца был примерно тот же, что и у осуществленного на Шпалерной.

По другой версии (Пыляева¹⁰) Екатерина II приказала архитектору Ивану Старову вместо прежнего дома построить роскошный дворец, наподобие Пантеона, и затем подарила его великопному князю Тавриды.

Вернемся к первой версии. Из множества проектов Потемкин выб-

Архитектор Иван Евгеньевич Старов (1745–1808)

рал вариант, предложенный архитектором И. Е. Старовым. Старов задумал построить дворец как загородное поместье, назвав его Конногвардейским домом (название произошло от 13 находившихся по соседству казарм Конногвардейского полка). Строительство началось в мае 1783 года. «Главное здание дворца сохранилось до сих пор в своем первоначальном виде; вышиною оно около шести сажень, с большим высоким куполом и перистилем из шести колонн, поддерживающих фронтон. К двум сторонам дворца пристроены флигеля, которые выведены до самой улицы; перед дворцом обширная площадь, огражденная невысокою чугунною решеткою»¹¹.

Одновременно со строительством дворца под руководством И. Е. Старова садовый мастер Вильям Гульд начал разбивку дворцового сада. Сад за домом был не очень велик (вдвое меньше современного Таврического сада). Почти половину его занимал пруд неправильных очертаний с берегами, выстланными камнем и мхом. Искусственный водоем выглядел как естественный. Сад Таврического дворца явился блестящим образцом городского английского пейзажного сада в России.

Екатерина II увлеклась этим видом садоводства, и под ее покровительством пейзажные («английские») сады стали возводиться в России. «Я ныне люблю до безумия Аглинские сады, кривые дорожки, отлогие холмы, озерам подобные пруды, архипелаги на твердой земле, а к прямым дорожкам, однообразным аллеям чувствую великое отвращение, фонтанов также не могу терпеть: они заставляют воду принимать такое течение, которое не сообразно природе; статуям же, по мнению моему, пристойно быть заключенным в галереях и прочих сим подобных местах, короче сказать, над садовничеством моим совершенно владычествует Аглинский вкус» (из письма к Вольтеру от 25 июня 1772 года)¹². Самым «английским» (по мнению Э. Кросса) из английских садовников, работавших в России, был Вильям Гульд.

Вильям Гульд (Уильям Гоулд, Gould, 1735–1812), уроженец Ормскирка в Ланкашире, приехал в Петербург из Англии в 1776 году (предположительно) по приглашению князя Г. А. Потемкина-Таврического и в течение жизни «светлейшего» выполнял его заказы. Гульд прожил в России около трех десятков лет. Он долго и много работал, но главным его творением

стал сад при Таврическом дворце. Этот прекрасный парк был заложен одновременно с дворцом в том же 1783 году, а закончен в основном в 1784 году. Два выдающихся мастера (Старов и Гульд) работали рядом и, можно сказать, совместно, чему пример – Зимний сад во дворце. Этот «дуэт» на протяжении 15 лет «выступал» не раз, поражая своим мастерством и слаженностью. Вот беглое перечисление их совместных работ: в Аничковом дворце (1776), в мызе Осиняная роща (1778; здесь работа Гульда предположительна), в «Сиверсовой даче» на Петергофской дороге (1779–1780), в приладожской усадьбе Потемкина Островки (1780–е), в местечках Кричеве (1783) и Дубровне в Белоруссии, в Екатеринославе (ныне Днепропетровск – после 1786 года).

Находясь на службе у Потемкина, Гульд часто совершал по его приказаниям поездки в Крым. Приходится удивляться, как, имея столько дел в провинции, садовник находил время трудиться над устройством сада Конногвардейского дома в Петербурге, главного творения своей жизни.

«Однообразный рельеф участка быстро преобразался, – вспоминал современник, наблюдавший за созданием сада. – Ровную местность разрезали каналы... Пруды и каналы оформлялись камнем, а холмы покрывались дерном. Извилистая сеть дорожек пересекала местность»¹³.

В основу первоначальной планировки сада положена идея парка, построенного на естественных возможностях ландшафта без введения каких-либо искусственных элементов, архитектурных диковинок, скульптуры и т.п. Скудный, совершенно плоский участок как по воле волшебника был превращен в прекрасный пейзажный парк. Вынутая при рытье пруда и канала земля была использована Гульдом для сооружения холмов и пригорков, которые он разбросал по всей площади сада, да так искусно, что они производили впечатление естественной неровности местности. Мастер сочетал свободно растущие деревья с небольшими рощицами и лужайками.

По границам сада была высажена основная масса зеленых насаждений. Они изолировали весь участок от соседних улиц.

К лету 1784 года Потемкину докладывали: «Садовые работы также окончены; двадцать три тысячи деревьев посажены, и уже в каналы и пруд вода пущена; каскад сделан, и теперь

осталось окончить в саду дорожки»¹⁴. Получается, что всего за два года Гульд создал большой и сложный по конструкции парк, ставший одним из украшений нашего города.

Противоположную от пруда часть сада огibal канал, прорезавший сад прекрасно нарисованной петлей, образующей два острова. Меньший из них был густо засажен деревьями. Сообщаться с ним можно было только с помощью лодок. Второй остров в большей части представлял просторную поляну, а в северной части его был насыпан холм, с которого открывался чудесный вид на садовый фасад дворца, отражавшийся в зеркальной глади пруда. Большой остров соединялся с берегом двумя мостами.

Немного ниже пруда, расположенного в центре сада, устроили каскад со шлюзом для регулирования уровня и спуска воды. Второй каскад выпускал воду на соседнем участке. Зимой на прудах устраивались катки и ледяные горы.

Вместе с тем оба каскада, нарушая спокойное течение воды и создавая шум, удачно имитировали приятное журчание ручейка, и являлись эффектными компонентами сада.

В качестве источника водоснабжения пруда и канала решено было использовать Лиговский канал. Прорытый еще в первой четверти XVIII века для питания фонтанов Летнего сада от реки Лиги, канал исправно выполнял свои функции. Однако наводнение 1777 года разрушило фонтанную систему сада, а сами фонтаны были уничтожены по указу Екатерины II в 1781 году. Отпала необходимость в Лиговском канале, и всеми забытый и заброшенный канал сильно обмелел. В связи с устройством пруда в саду Конногвардейского дома возникла потребность в капитальном ремонте Лиговского канала, который был проведен за счет личных средств князя Потемкина, и уже осенью 1783 года вода наполнила пруд и канал дворцового сада. Пришлось проложить сеть деревянных труб непосредственно от бассейна на Песках, по которым и осуществлялась подача воды в сад.

Так как пейзажный сад был максимально приближен к природе, то он не должен быть «огорожен от окружающей местности видимыми изгородями»¹⁵. Французы изобрели незаметную издали изгородь, проложенную по дну рва. По-французски она имела название fossé, в Англии – ha-ha, в России –

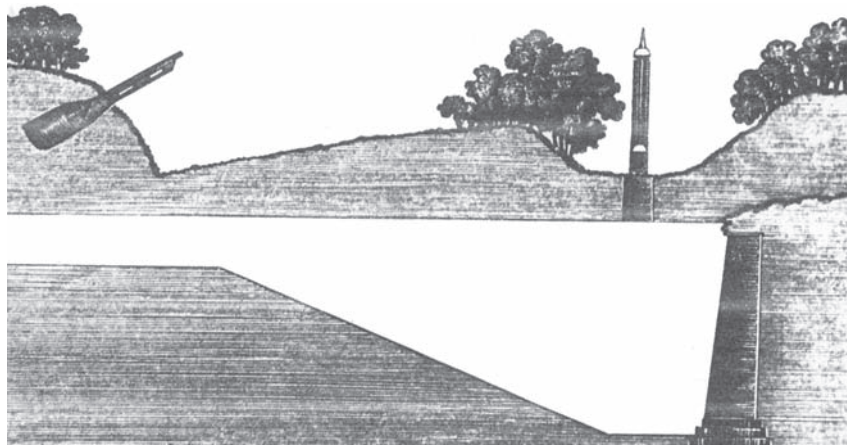
«ах-ах». Это было скрытое препятствие, в основном для деревенского скота. Иногда рвы с изгородью были наполнены водой. Для романтических садов характерна неожиданность появившегося вида, поворота, конца дорожки, появление памятника, скамейки для отдыха. Внезапное появление перед гуляющими этих оград вызывало восклицание «ах-ах», что и закрепилось в их названии. Первая такая изгородь в Англии была устроена французским садоводом Бомоном в Левене в 1692 году. Подобная скрытая изгородь вместе с железной оградой была установлена Гульдом вокруг Таврического сада.

До нас дошел план участка, датированный 1786 годом, воспроизводящий первоначальную планировку сада. На нем изображены направления аллей, местоположение каскадов и даже места насыпи холмов. На этом же плане мы видим всего три строения: одно — расположенное в северо-западной части сада, небольшое, прямоугольной формы — возможно, сарай для хранения шляпок; два других — домик садовника и оранжерея. Во всем остальном ландшафтный характер сада не нарушался никакими иными архитектурными сооружениями или украшениями.

В 1784 году Потемкин получил дарственную еще на два участка земли (общая площадь сада достигла 200 кв. сажен), прилегающих к его владению. Он использовал их для сооружения оранжерей.

В. Гульд предполагал несколько десятин земли нового участка превратить в пастбище, где можно было отдать под «распашку, а равно и на посев семенами лучших тучных трав, достальную в саду землю с великою пользою обратить в огород и получить с оного доходу в год около 2000 рублей». Из Англии для украшения сада выписаны были кусты малины, смородины, вишневые деревья; из Палермо, Дрездена, Парижа и Амстердама привозили различные деревья, растения, цветочные луковицы и семена. В северо-западной части усадебного участка находились оранжереи, теплицы и парники для выращивания огурцов, персиков, ананасов, а также арбузов, дынь и абрикосов.

С того же времени в саду стала практиковаться посадка фруктовых деревьев и ягодных кустарников непосредственно в открытый грунт, а вблизи оранжереи Гульдом был устроен обширный огород.

Садовое ограждение «ах-ах». Рис. из книги «Ideenmagazin» И. Г. Громанна. Изд. 2-е. Лейпциг, 1797. Тетр. 2.

План первой очереди Таврического сада. Чертеж. 1786 г.

В письме к барону Гримму Екатерина II сообщала: «...выращиваем столько ананасов, что не только к столу, но и на продажу хватает».

Из числа построенных оранжерей до наших дней сохранилась лишь большая пальмовая.

К концу 1786 года завершилось строительство главного корпуса дворца, и затем в течение трех лет были построены галереи и боковые флигеля. В 1790 году почти законченный дворец с усадьбой Потемкин продал в казну за 450 тысяч рублей.

Но в следующем же году за взятие крепости Измаил, считавшейся неприступной, Потемкин в числе других наград получил от Екатерины II в дар свою петербургскую усадьбу.

Вернувшись в столицу, Потемкин-Таврический приказал готовить дворец к празднику, задуманному в честь взятия Измаила. Главной же причиной торжества была последняя попытка князя вернуть ускользающее влияние на императрицу.

Однако, по словам современников, Конногвардейский дом не был вполне отделан: перед главным

подъездом дворца тянулся забор, скрывавший какие-то развалины (на том месте, где стоит ныне башня общества водопроводов); по приказанию Потемкина в три дня был уничтожен забор, место расчищено и освобождена обширная площадь до самой Невы. Здесь были воздвигнуты триумфальные ворота.

Дворец заново украсили картинами, коврами, скульптурой, обставили новой мебелью. 28 апреля 1791 года состоялся праздник. Для 3000 именитых гостей были запланированы музыкальные, драматические и балетные представления, устроен грандиозный бал. Эпицентром праздника стал Зимний сад. Энтони Кросс ошибся, когда считал, что «он был пристроен к основному зданию для торжественного приема императрицы...»¹⁶. Построен он был вместе с дворцом, о чем писал Н. А. Татищев в письме к князю от 26 мая 1784 года: «Дом уже покрыт железом, исключая садика, в коем оканчивается храмик, и потом начнут делать кровлю»¹⁷. Здесь хочется привести описание Зимнего сада, помещенное в 3-м томе журнала «Москвитянин» за 1852 год. Рукопись опубликована издателем и редактором этого журнала М. П. Погодиным. Автор ее неизвестен, но по подробному описанию можно предположить, что то был современник происшедшего события. Сей дивный сад будет стержнем праздника, о котором мы поговорим в дальнейшем, а пока приведем цитату (несколько объемную, но полно рассказывающую о предмете нашего описания). «Ничто, однако, великолепием не превосходило зимний сад, примыкавший к большей галерее, и в который вход был из круглого зала, между столпов. Величина

онаго была вшестеро больше, нежели славного зимняго сада в эрмитаже Императорском; расположен был оной также в английском вкусе, но несравненно лучше. Зеленеющий, дерновый скат вел дорогою, обсаженною цветущими померанцовыми деревьями. Там видимы были лесочки, по окружающим которые решеткам обвивались розы и жасмины, наполняющие воздух благовонием. В кустарниках видимы были гнезда соловьев и других поющих птиц. Разногласное их щебетанье было несравненно приятнее скучнаго единогласия. В сей вечер освещение и музыка бала возбуждали их к пению. В разных местах в земле, и в драгоценных горшках, на мраморных и гранитных подножиях, видимы были в сем саде редчайшие кустарники и растения. Прохожи, иностранными деревьями обсаженные, срослись между собою столь плотно, что и днем в них было темно. Печи, которых для зимне-го сего сада потребно было не мало, скрыты были за множеством зеркал, одинакой величины и цены чрезвычайной. На дорожках сего сада и на малых дерновых холмочках, видимы были на мраморных подножиях вазы из того же камня, но другого цвета, либо истуканы из белого мрамора, представлявшие гениев отчасти венчающих, частью же отправляющих жертвоприношение перед бюстом Императрицы, очень сходно с изображенным. В траве стояли великие из лучшего стекла шары, наполненные водою, в которых плавали золотыя и серебряныя рыбки. Посредине сада возвышался храм простаго, но размернейшаго устройства. Его купол, возвышавшийся до самого потолка сего сада, искуснейшею рукою и обманчиво росписаннаго под вид неба, и способствовавший к поддержанию потолка, опирался на 8 столпах из белого мрамора. В оном по ступеням из сераго мрамора был вход к жертвеннику, служившего подножием изображению Императрицы, иссеченному из белого мрамора. Императрица представлена была в царской мантии, держащая рог изобилия, из котораго сыпались орденские кресты и деньги. На жертвеннике было подписано: «Матери отечества и моей благодетельнице». Здесь равномерно разставлены были лампы, имеющие подобие цветов, фестономы около столпов, как бы обвитыя. Позади храма находилась великолепная листовая беседка; внутренняя стены оной

состояли из зеркал; в день же праздника наружныя решетки были украшены пестрыми лампадами, в подобии яблук, груш и виноградных гроздов. Далее в день праздника сад весь был еще несравненно более обыкновеннаго украшен. Все окна онаго прикрыты были искусственными пальмовыми и померанцовыми деревьями, коих листья и плоды представлены были из разноцветных лампад. Другие искусственные плоды в подобие дынь, ананасов, винограда и арбузов, в приличных местах сада, были представлены также из разноцветных лампад. Для услаждения чувств, скрытыя курильницы издыхали благовония, кои смешивались с запахом цветов померанцовых и жасминовых деревьев, и испарениями малого водомета, бьющаго лавандною водою. Между храмом и листовою беседкою находилась зеркальная пирамида, украшенная хрустальями, на верху которой блистало имя Императрицы, подделанное под бриллианты, и от котораго исходило на все стороны сияние. Близ оной стояли другия меньше огромныя пирамиды, на которых горели трофеи, и вензеловыя имена Наследника престола, Его Супруги и обоих Великих Князей, составленные из фиолетовых и зеленых огней. В сей только вечер окна зимняго сада были скрыты; в прочее время были то двери, вводящая в воздушной сад Таврическаго дворца»¹⁸.

Как бы перекликаясь и дополняя этот текст, звучат воспоминания Г. Р. Державина, бывшего на том торжестве. Вот его описание Зимне-го сада: «Сквозь оных столпов виден обширный сад и возвышенныя на малом пространстве здания. С первого взгляда усомнишься и помыслишь, что сие есть действие очарования, или по крайней мере живописи и оптики; но приступив ближе, увидишь живые лавры, мирты и другия благоуханнейших климатов древа, не токмо растущия, но иныя цветами, а другия плодами обремененныя. Под мирною тению их, инде как бархат, стелется дерн зеленый; там цветы пестреют, здесь излучистыя песчаныя дороги пролегают, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просеки, блистают стеклянные водоемы. Везде царствует весна, и искусство спорит с прелестями природы. Плавает дух в удовольствии. Но едва успеешь насладиться издали зрением вертограда, нечувствительно приходишь к возвышенному на ступенях

сквозному алтарю, окруженному еще осмью столпами, кои поддерживают свод его. Вокруг онаго утверждены на подставках яшмовыя чаши, а сверху висят лампы и цветочныя цепи и венцы; посреди же столпов на порфировом подножии с златою надписью (Матери отечества и мне премилосердной. — *И. П.*) блистает иссеченный из чистаго мрамора образ божества, щедротою котораго воздвигнут дом сей (На портике дома надпись: От щедрот Великой Екатерины) <...> Алтарь сей окружен лабиринтом. По извивающимся и отененным тропам его, между древесными ветвями, показываются жертвенники благодарности и усердия, истуканы славных в древности мужей, из мрамора и из других редких веществ сосуды, на подножиях возвышенныя. На зеленом лугу, позади алтаря, стоит высокая, алмазовидная, обделанная в злато пирамида. Она украшена висящими гранеными цепочками и венцами, из разных цветнопрозрачных камней же, увенчан лучезарным именем Екатерины Второй. <...> За обелиском, в самой глубине вертограда, зеркальная пещера. Внутри оной водный кладез и купель резная из пароскаго мрамора, выше роста человеческого. Такая же две стоят по концам залы пред двумя возвышениями, из коих на одном помещается многочисленный хор музыки, а на другом избраннейшая беседа. Для прочих гостей устроены между столпов ложи. Везде виден вкус и великолепие; везде торжествует природа и художество; везде блистает граненый кристал, белый мрамор и зеленый цвет, толико глазам приятный. По приличности, висят цветочныя вязи и венцы, а по надобности лампы и фонари. Невероятной величины зеркала! Все они инде предметы усугубляют, инде увеличивают, а инде и умаляют. Притом сладкогласное пение птиц, приятное благовоние ароматов, соделывая сие жилище некоею новою поднебесностию, или волшебною странною, заставляют каждого в восторге самого себя вопрошать: не се ли Эдем? — Кроме торжественных врат еще четырьмя большими дверями проходят из сего чертога одни во внешний сад, а другими в прочие покои. <...> Казалось, что все богатство Азии и все искусство Европы совокуплено там было к украшению храма торжеств Великой Екатерины. <...> Если дом по сему описанию заслуживает внимание: то празднество, бывшее в нем, еще бо-

лее. По всеподданнейшему от хозяйки на прошение Великой Государыни и Их Высочеств, и по народному зову знатного обоего пола дворянства, к 6-ти часам по полудни все собрались. Все были в маскарадном платье. Хотя от множества карет заперлись улицы, но в доме такой был простор, что можно бы без сомнения пригласить такое же, или еще большее число гостей. Наконец прибыл Двор»¹⁹. Были представлены турецкие паши, которых пленили в эту кампанию.

А вот как в «Москвитянине» описывается сад дворца: «Потемкин хотя расположил сей сад с самого начала, но в последствие, с невероятными издержками, довел до чрезвычайного степени совершенства. Выгодное местоположение онаго придавало ему много цены, а пособие искусства и еще оную возвысило. Сравнили место, сняли пригорки, где оным по плану быть не надлежало, насыпали новые холмы, для услаждения зрения дальновидностями. Прямым путем протекавшей речке дали течение извилистое, и вынудили из ней низвергающийся водопад, который упал в мраморный водоем. Построены великолепные мосты из железа и мрамора; множество истуканов и памятников находилось еще в работе. В намерении том, чтобы из дома и сада можно было оглядывать прелестныя дальновидности, приказал Князь Потемкин наскоро и вне окружности двора своего построить павилиены и подобное; все сие как волшебством из земли возникло. Словом сказать, он употребил все к соделанию места сего приятнейшим жилищем. Во время последней праздника в вечеру весь сад освещен был великолепнейшим образом, а воды украшены гондолами. Тысячи художников и работников занимались несколько недель приготовлениями и распоряжениями к сему празднеству, которое назначено было в 9-е число мая. Три тысячи особ придворных и прочих в городе, приглашены были чрез билеты, разосланные с офицерами... <...> Считают, что в сей вечер горело 140 тысяч лампад и 20 тысяч свеч восковых»²⁰.

Здесь мы вновь обратимся к Г. Р. Державину и дополним описание сада из его воспоминаний: «...во внешнем, весьма просторном и прекрасном саду возжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всем утешаться ими, но любопытство приметило оные. Там, на прекрасных прудах, чешующихся меж-

Дом садового мастера. Арх. Ф. Волков. 1793–1794 гг. Фото автора

ду открытоюпологою зеленью, а инде древами осененных, зыблилась флотилия, из нескольких судов состоявшая, украшенная разноцветными флагами и фонарями, со множеством матросов и гребцов, богато одетых. Роши, приятно разбросанные, и алеи, далеко простирающиеся, также испещрены были разными огнями. Всего приятнее казалось помавание дерев над водами стоящих, которые от случившагося тогда нарочитаго ветра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся под ними стеклу пробегать то зеленя, то красныя струи. Все дороги были покрыты народом, толпящимся подобно рою пчел, привившихся к тому месту, где матка их находится. Шорох дерев, шум вод катящегося водопада, жужуканье говорящих, глас в далеке гребцакого рога и песен, слы-

Фонтан перед Домом садового мастера. Фото автора

шимый с гулом музыки, вырывающимся из дому, погружали мысли в некую забывчивость»²¹.

В парке, на специально устроенной эстраде, играл оркестр роговой музыки из 50 человек, которым дирижировал известный итальянский маэстро Сарти. В различных участках сада установили качели и столы с изысканными яствами. К этому торжеству Гаврила Романович Державин написал свои знаменитые стихи, положенные на музыку: «Гром победы раздавайся». Следует заметить, что в Таврический дворец не был приглашен никто из большого семейства Зубова, в том числе и сам фаворит»²².

На прудах в саду катались песенники в лодках; народ пировал также роскошно. Фонтаны белого и красного вина били высокими струями, и были расставлены жареные быки с золотыми рогами.

«...Сад... был отделан великолепно; всюду виднелись киоски, беседки; ручейку, протекавшему в саду по прямой линии, дали извилистое течение и устроили мраморный каскад. Сад горел тоже множеством огней и оглашался роговой музыкой и пением хора песенников»²³.

«Издержки для сего праздника считали в 200 000 руб., но кажется, что сумма сия простиралась несравненно больше»²⁴.

14 октября 1791 года на пути из Ясс в Николаев скончался светлейший князь Потемкин-Таврический. После его смерти дворец и сад были куплены у наследников и перешли в собственность казны.

В сентябре 1792 года указом Екатерины II дворец Потемкина объявлен императорским дворцом и сделал-

Левый флигель Дома садового мастера. Фото автора

Правый флигель Дома садового мастера. Фото автора

ся любимым местом пребывания императрицы весной и осенью. Здесь обосновался и Двор, «который, по обыкновению, с первых весенних дней, переехал в Таврический дворец»²⁵. Во дворце находились и апартаменты последнего фаворита Екатерины — Платона Зубова. В том же году Конногвардейский дом был официально переименован в Таврический дворец. К последним годам правления Екатерины II относятся воспоминания князя Адама Чарторижского, польского дворянина, будущего российского министра и друга юности императора Александра I. «Иногда вблизи Таврического дворца устраивались две ледяные горы. Великая княгиня, княжны и все придворные отправлялись туда кататься с гор на

санях, как это делается в России. Искреннее веселье царило на этих катаньях, в которых участвовали молодые, красивые девушки, принятые ко Двору»²⁶. Далее князь Чарторижский описывает свою встречу с великим князем Александром, произошедшую в Таврическом саду: «Однажды, при встрече со мной, он выразил сожаление, что мы видимся так редко, и приказал мне прийти к нему, в Таврический дворец, предлагая погулять по саду, который он хотел показать мне... Как только я явился, великий князь взял меня под руку и предложил пройти в сад, желая, как он выразился, услышать мое мнение об искусстве англичанина-садовника, который сумел убрать сад с большим разнообразием и притом так, что ни откуда

нельзя было видеть конца сада, несмотря на то, что он был невелик. Мы обошли сад во всех направлениях за три часа очень оживленного, непрерывного разговора»²⁷.

В начале 1790-х годов Воскресенская (или Шпалерная) улица была продолжена до площади перед Смольным монастырем. Она ограничила территорию дворца с севера. Восточная и западная границы ансамбля определились в результате прокладки двух новых улиц — Таврической и Потемкинской. Несколько слов о вариантах названий этих улиц. В конце XVIII века Потемкинская называлась Артиллерийской Поперечной улицей, затем более полувека — Таврической и лишь в 1871 году получила свое нынешнее имя. У Таврической имен было поболее. Первое ее имя — проспект к Таврическому дворцу, далее — Таврический проспект. Параллельно этому имени существовало и другое — Садовая улица, а также ее вариант — Садовая (Рождественская). С 1859 года она стала Таврической. После революции ее еще раз переименовали, и с 1918 по 1944 год она называлась улицей Слуцкого.

В том виде, в каком его первоначально создал Гульд, Таврический сад просуществовал недолго. С 1791 года облик сада постепенно менялся и стал занимать современную территорию (21 га), но в целом ландшафт не был изменен. В 1792 году Гульд разработал подробную записку, в которой он изложил программу дальнейшего переустройства сада.

На месте уничтоженного ранее Домика садовника в северной части сада в 1793–1794 годах архитектор Ф. И. Волков построил для Вильяма Гульда в стиле классицизма изящный особняк — «Дом садового мастера».

Двухэтажное прямоугольное в плане здание расположено в глубине участка. Два симметричных одноэтажных флигеля выдвинуты вперед. Они увенчаны невысокими башнями с куполами. Фасад главного корпуса обработан портиком из четырехдорических колонн. Садовый фасад образован выступающей в первом этаже полуторной и балконом над ней, круглым в плане. Одноэтажные боковые флигеля увенчаны небольшими башнями с купольными завершениями. При доме были выстроены коровник и несколько хозяйственных построек. Под пастбища для коров отвели несколько десятин земли на территории сада. На берегу большого пруда по проекту

Ф. Волкова была сооружена затейливая беседка «Адмиралтейство», состоявшая из открытой беседки-ротонды и закрытого помещения, предназначавшегося для хранения шлюпок.

С 1792 по 1796 год сад был приведен в блестящее состояние. Традиции Гульда в саду сохранялись в течение ряда последующих лет. Как писал поэт Г. Р. Державин: «Везде виден вкус и великолепие, везде торжествуют природа и искусство...».

В 1794 году в саду были построены два металлических моста. Интересна их история. На Сестрорецком заводе предполагалось изготовить пять металлических мостов. К сентябрю 1793 года были изготовлены конструкции для «одного железного с чугунными досками малого моста»²⁸. Автор проектов этих мостов неизвестен, но так как они были созданы в те же годы, когда в саду активно работал архитектор Ф. И. Волков, то можно предположить, что он принимал участие в их проектировании. Изготавливались конструкции мостов на Сестрорецком оружейном заводе под руководством Карла Шпекле. Арочные пролетные строения этих мостов изготовлены из железа, плиты настила отлиты из чугуна. Пролеты этих мостов равны 10,6 и 13 метрам. У десятиметрового моста пролетное строение состоит из однородных ребер пологих очертаний. У тринадцатиметрового моста основные ребра усилены дополнительными «полуарками», соединенными с основными в жесткую систему вертикальными кольцевыми элементами.

(Продолжение следует)

Старинные мосты конца XVIII в. Фото автора

¹ Петров П. Н. История Санкт-Петербурга... СПб., 1884. С. 260.

² Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 149.

³ Георги И. Г. Описание... столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 114.

⁴ Петров П. Н. Указ. соч. С. 526.

⁵ Там же. С. 388.

⁶ Там же. С. 277.

⁷ Столпянский П. Н. Старый Петербург и его исторический план. СПб., 1913. С. III.

⁸ Петров П. Н. Указ. соч. С. 527.

⁹ Там же. С. 645.

¹⁰ Пыляев М. И. Старый Петербург. М.; СПб., 1990 (1889). С. 305.

¹¹ Там же. С. 305.

¹² Цит. по: Лихачев Д. С. Поэзия садов. М., 1998. С. 211.

¹³ Занан Л. А. Городской детский парк // Сады и парки Ленинграда. Л., 1981. С. 100.

¹⁴ Антонов В. В. Вильям Гульд, садовник князя Потемкина-Таврического // Невский архив. 1999. Вып. 4. С. 163.

¹⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 304.

¹⁶ Кросс Э. Русские сады, британские садовники // Памятники истории и культуры Петербурга. СПб., 1997. С. 98.

¹⁷ Цит. По: Дьяченко Л. И. Таврический дворец. СПб., 1997. С. 27.

¹⁸ О приватной жизни князя Потемкина. Потемкинский праздник. М., 1991. (Перепечатка: Москвитянин. 1852. Т. 3. С. 24–25).

¹⁹ Державин Г. Р. Избранные сочинения Гавриила Романовича Державина. СПб., 1893. С. 122–125.

²⁰ О приватной жизни князя Потемкина. Потемкинский праздник. С. 25–27.

²¹ Державин Г. Р. Указ. соч. С. 139.

²² Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 231.

²³ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 312.

²⁴ О приватной жизни князя Потемкина. Потемкинский праздник. С. 28.

²⁵ Мемуары князя Адама Чарторижского. 1912. С. 47.

²⁶ Там же. С. 80.

²⁷ Там же. С. 84.

²⁸ Пирютко Ю. М. Между Ленинградом и Петербургом. Памятники на исходе столетия (1986–1999) // Невский архив. 1999. Вып. 4.